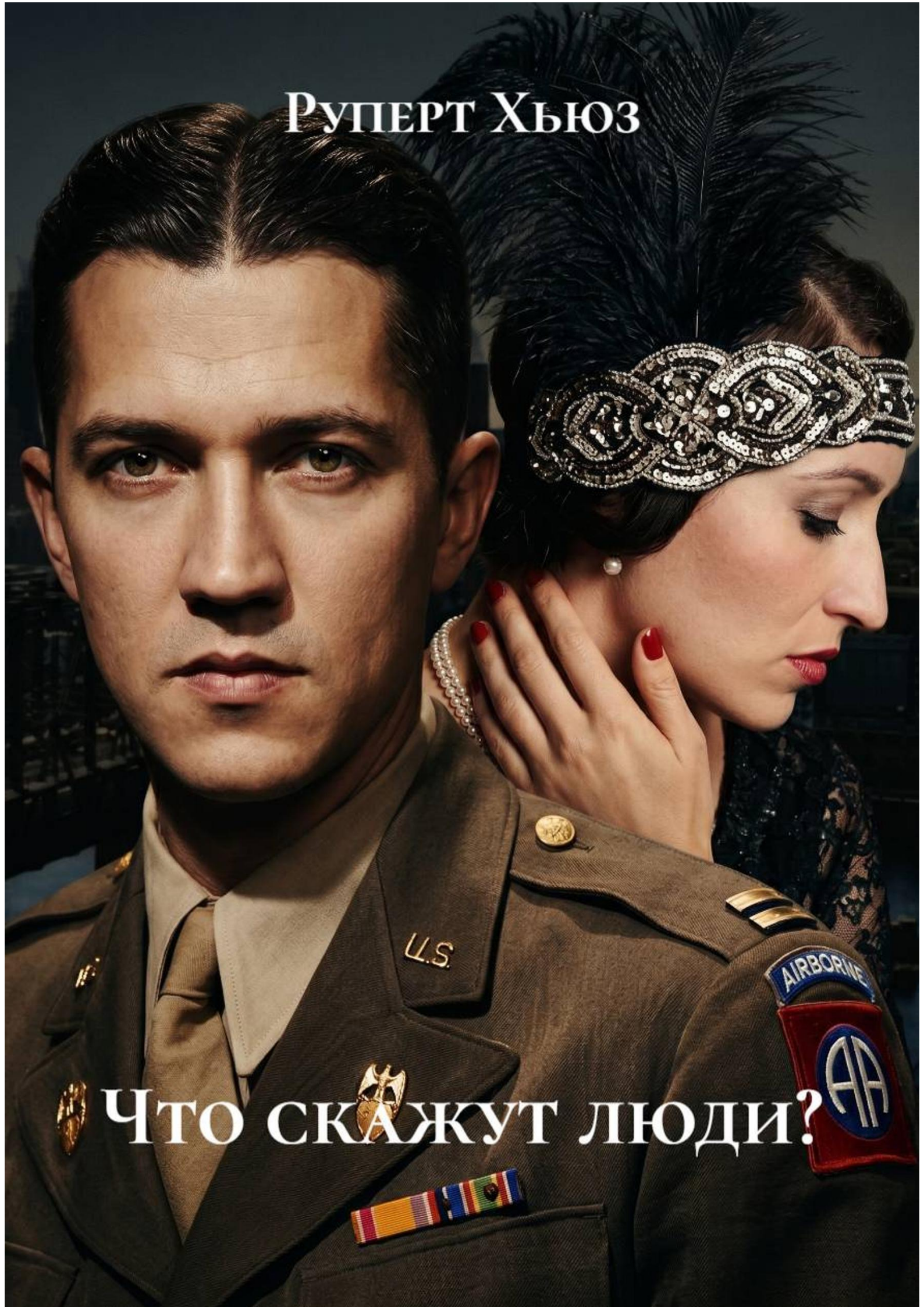

РУПЕРТ ХЬЮЗ

ЧТО СКАЖУТ ЛЮДИ?

Руперт Хьюз

Что скажут люди?

«Автор»

2026

Хьюз Р.

Что скажут люди? / Р. Хьюз — «Автор», 2026

«Что скажут люди?» — роман Руперта Хьюза, написанный в начале XX века. Главный герой — лейтенант Харви Форбс, молодой солдат, вернувшийся с Филиппин. Он пытается адаптироваться к яркой, но загадочной жизни Нью-Йорка. Особое внимание привлекает его восхищение женщинами высшего общества. Книга исследует темы любви, социальных ожиданий и сложных человеческих взаимоотношений в быстро меняющемся городе. В начале повествования Форбс любуется шумными улицами Нью-Йорка, размышляя о времени, проведенном вдали от дома. Его взгляд привлекает женщина в эффектной шляпке, и он не может отвести глаз. Пытаясь разглядеть ее лицо, он испытывает восхищение и зависть, что побуждает его узнать, кто она. Роман раскрывает контраст между роскошной городской жизнью и внутренними переживаниями героя. Форбс наблюдает за непринужденным общением состоятельных людей, одновременно пытаясь разобраться в своих чувствах и понять, что такое любовь и страсть в этом динамичном обществе.

© Хьюз Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Руперт Хьюз

Что скажут люди?

Глава 1

Пятая авеню в час пик представляла собой бурлящий поток автомобилей. Однако почти на каждом перекрёстке полицейский, в отличие от неудачливого короля Кнута, успешно укрощал эту стихию — то останавливая её решительным взглядом, то пропуская вперёд едва заметным движением большого пальца.

Молодой армейский офицер, недавно вернувшийся с Филиппин, ощущал определённое родство с этими блюстителями порядка. Последние годы он провёл, поддерживая хрупкое спокойствие среди воинственных племён: стоило ему отойти или задремать, как мороз тут же поднимал бунт. Подобно тому как этот городской страж на другом краю цивилизованного мира держал в узде своенравных автомобилистов — но лишь до тех пор, пока они оставались в поле его зрения.

Один лишь взгляд из-под козырька фуражки заставлял лимузин богача резко замедлять или, вздрогнув, возвращаться на положенное место. Но стоило впереди появиться участку, свободному от мундиров, как все водители тут же бросались переключать передачи. Жизнь и здоровье беспечно подвергались опасности, а самые дерзкие манёвры выполнялись с истинным восторгом.

Закон улиц и дорог Нью-Йорка запрещал автомобилям превышать скорость в тридцать миль в час. И не было такого автовладельца, который, будь он честен с собой, не признался бы в способности нарушить этот закон.

Лейтенант Форбс, наблюдая за автомобильным потоком с высоты моторного автобуса, с усмешкой отмечал, сколь мало взрослые люди утратили свой детский дух озорства и жажды приключений. Весь этот так называемый цивилизованный мир функционировал словно школа: стоило учителю отвернуться — и начинались весёлые проказы. Но горе тому, кого застанут за непослушанием! Все делали вид, что не замечают проступка, пока власть не выявит его, — и тогда же все с серьёзным видом одобряли наказание.

Мистер Форбс не видел Пятой авеню с тех пор, как жалкие конные экипажи сменились грохочущими автоповозками. Он также пропустил момент её расширения — простое, но радикальное решение: тротуары срезали, а их утрату компенсировали за счёт прилегающих зданий. Особняки, некогда украшавшие величественный проспект, теперь выглядели так, будто некий великан прошёлся вдоль стен разделочным ножом. Портики, колонны, крыльца и традиционные подъезды были безжалостно отсечены, оставив владельцев придумывать импровизированные выходы на своё усмотрение.

Особенно пострадал великолепный фасад особняка Энсли. В памяти мистера Форбса сохранилась изящная лестница, которая спускалась от вестибюля к улице плавным, приветственным движением. Теперь же входная дверь оказалась наполовину в подвале, а след от замурованного прежнего входа так и остался незажившим шрамом на фасаде.

Однако это варварское вмешательство вдоль всей улицы, похоже, не облегчило транспортные заторы. Либо движение разрослось с новой силой — как это обычно происходит в Нью-Йорке при любых попытках его обуздать.

Насколько хватало взора — на север и на юг — дорога была забита автомобилями от края до края. И их количество удивляло его куда меньше, чем роскошь самих машин. Дизайнеры уже перестали имитировать кэбы, ландо и виктории, нелепо следовавшие за невидимыми

лошадьми. Теперь они создавали чистые, лаконичные автомобили, чья единственная задача заключалась в том, чтобы вмещать, защищать и возвеличивать собственные моторы.

Многие из этих машин были обставлены с поистине восточным размахом — словно роскошные диваны для путешествий и наслаждений. Некоторые украшали вазами с цветами. Полированные бока переливались всеми цветами радуги, источая величие. Кузова всё ещё сохраняли черты деревянных экипажей: хрупкие, атласные борта, казалось, готовы расколоться при первом же ударе. Однако Форбс знал, что на самом деле они созданы из алюминия и стали, отполированы до блеска и покрыты эмалью.

Чего он не знал, так это того, что люди внутри этих автомобилей — расслабленные, с виду такие же нежные, как кожа их сидений — вовсе не были изнеженными. Подобно своим машинам, они лишь притворялись усталыми и немощными, но на деле были выкованы из стали. Их могучие двигатели были способны развивать скорости и преодолевать расстояния, перед которыми не устоял бы даже закалённый крестьянский характер.

Это было лишь одно из многих открытий, которые ему предстояло сделать.

С высоты покачивающегося автобуса лейтенант чувствовал себя затерянным в бурлящем потоке праздного богатства. Вокруг, если не считать шофёров, полицейских да редких мужчин, чьи профессии волей случая занесли их на эту роскошную улицу, — повсюду были женщины. И в глазах Форбса, не привыкшего к столичному блеску, каждая из них выглядела настоящей принцессой.

Вначале, когда его взгляд падал на очередную сияющую красавицу, сердце замирало: «Вот та, которую я мог бы полюбить! Никогда не забуду её!» Но прежде чем клятва о вечной памяти успевала завершиться, появлялась следующая, затмевающая предыдущую.

Постепенно это бесконечное зрелище начало приедаться. Подобно тому как титулованные особы становятся обыденностью при дворе, так и здесь красота теряла свою ценность из-за избытка. На следующей миле его взгляд привлекали лишь те женщины, чья красота была либо вызывающе роскошной, либо нарочито простой. Но и они вскоре слились в размытом калейдоскопе, который вертели слишком быстро.

Однако была среди них одна женщина, которую он не мог забыть — именно потому, что не мог понять, какова она на самом деле. В этом медленном и прерывистом движении вверх по авеню случилось так, что его автобус неотступно следовал за открытым ландолетом. Он никогда не отставал слишком далеко, но и не мог поравняться с ним.

На заднем сиденье ландолета сидела одинокая молодая женщина — по крайней мере, Форбс решил, что она молода, хотя оснований для такого предположения у него было крайне мало. Её лицо полностью скрывала шляпа — специально подобранная именно такого размера, чтобы спрятать его от любопытных взглядов.

Шляпа напоминала перевёрнутое кашпо из соломки — один из тех экстравагантных головных уборов, которые женщины превращали в настоящий модный триумф. Единственным украшением служило полупрозрачное перо райской птицы, воткнутое в центр и раскинувшееся в форме, напоминающей вопросительный знак.

Даже невооружённым глазом было видно, что это перо — произведение искусства, вероятно, весьма дорогое. В своей наготе и одиночестве оно выглядело вызывающе и дерзко, словно насмехаясь над Форбсом и дразня его неразгаданной загадкой.

С каждой минутой ему всё сильнее хотелось увидеть, какое же прекрасное лицо скрывается под этим причудливым соломенным сооружением, напоминающим опрокинутое кашпо. Его любопытство разгоралось, превращаясь в настоящее наваждение. Что за тайна скрыта под этим экстравагантным головным убором? Какая красавица или, быть может, наоборот — обманщица прячется от мира за этой модой?

Время от времени, когда автобус продвигался вперёд, Форбс оказывался достаточно близко, чтобы разглядеть изящные линии плеча таинственной незнакомки и удивительную гар-

монию её левой руки. Эти детали, замеченные отдельно от всего облика, завораживали и ещё сильнее разжигали его любопытство. Вскоре ему удалось мельком заметить и больше: округлое колено, закинутае на другое, прямую голень, слегка натянутую узкую юбку, высокий подъём ступни и острый носок изящной туфельки.

И однажды, когда движение внезапно замерло, он оказался так близко, что едва не поддался дикому порыву — нагнуться и сорвать эту дразнящую шляпу. Тогда бы он узнал хотя бы цвет её волос, а она, вероятно, подняла бы на него изумлённое лицо — словно роза, распустившаяся навстречу солнцу. Он был бесстрашным солдатом, но не настолько безрассудным. И всё же он услышал её голос: она перебрасывалась словами с мимолётным собеседником — тот приподнял шляпу, сидя в автомобиле, остановившемся рядом с её ланделетом.

Голос не пришёлся ему по вкусу: почти пронзительный, с металлическим отблеском — столь характерным для нью-йоркского выговора. Да и слова звучали жёстко и прозаично.

— Мы ужасно провели время, — сказала она. — Мне было невыносимо скучно. Тебе следовало там быть.

И тогда она слегка рассмеялась — в её смехе сквозила затаённая злоба. Раздался резкий свисток полицейского, и машины рывком двинулись вперёд. А автобус, тяжело переваливаясь, потащился следом, словно зелёный бегемот. Форбс ощутил шемящее нетерпение: ему хотелось поскорее увидеть, что скрывается под этим райским пером. Он полагал, что там таится красота, хотя горький опыт научил его: опасно судить о привлекательности женщины лишь по тому, как выглядит её затылок

Стало делом отчаянной необходимости обогнать этого неуловимого шофёра и как следует разглядеть его пассажирку. Его большие надежды, казалось, находили подтверждение: почти каждый полицейский отдавал ей честь и улыбался так тепло и радушно, что улыбка ещё долго не сходила с его лица — даже когда она давно уже проехала мимо.

Форбс также заметил, что люди, которых она приветствовала — будь то пассажиры других автомобилей или прохожие на тротуаре, — казались весьма влиятельными персонами. И всё же они явно гордились, когда её шляпа одаривала их коротким птичьим кивком.

На Пятьдесят первой улице, перед радушным серым собором, возникло долгое и почти демократичное затишье: презрительно настроенный ломовой извозчик, восседавший на огромной стальной балке, неспешно гнал через авеню шестёрку надменных жеребцов. Он с явным наслаждением пускал клубы дыма в лицо нетерпеливой аристократии.

Тем временем спешившийся полицейский прохаживался взад-вперёд, а следом за ним ступал смиренный конь с добрыми глазами. Он остановился, чтобы перекинуться парой слов с таинственной незнакомкой, и конь, просунув морду в окно автомобиля, принял ласку от её маленькой руки в перчатке. Форбс снова услышал её голос:

— Бедный ты мой, как жаль, что у меня нет кусочка сахара.

Она обращалась к коню, но ответил офицер:

— Для него, мэ, и одного вашего взгляда вполне довольно.

Страж порядка, очевидно, был родом оттуда, откуда происходят большинство полицейских. Дама вновь рассмеялась — было ясно, что она не боится комплиментов. А вот он смутился, покраснел и запнулся:

— Прошу прощения, мисс

Он проглотил окончание фразы и взмахнул рукой, давая сигнал возобновить движение. Форбс мысленно поздравил себя: по крайней мере, она не «миссис» Такая-то. Его интерес удвоился в тот самый миг, когда молодая женщина наклонилась вперёд, чтобы что-то сказать своему шофёру. Она явно заметила впереди участок без полицейских, и водитель тут же прибавил скорость — так что вскоре оставил Форбса и его автобус далеко позади.

Видя, как ускользает его добыча, Форбс мысленно зафиксировал номер её автомобиля: «48150, N. Y. 1913». Он читал о том, как полиция выслеживает нарушителей по номерам

машин, и поклялся использовать эти сведения в собственных целях. Он непременно должен узнать, кто она и как выглядит. А пока главное — не забыть этот мистический знак на её современной колеснице.

Глава 2

Беспомощный, он мог преследовать её лишь взглядом. Со своего места в автобусе он видел, как её машина стремительно мчится на север. Он ещё различал её в потоке машин — по тому самому украшению из перьев райской птицы на шляпе: оно становилось всё меньше и меньше, напоминая загадочный пернатый вопросительный знак.

Очевидно, она то и дело чудом избегала катастрофы. Пешеходы прыгали как кенгуру, спасаясь от её колёс. Раз или два столкновения с другими машинами удавалось предотвратить лишь резкими манёврами или внезапными торможениями.

Через площадь машина проехала вполне благопристойно — там на постах стояли полицейские. Но, едва миновав её, она растаяла с той сверхъестественной быстротой, с какой падает звезда.

Незнакомка исчезла. И теперь он гадал, куда и зачем она так мчится. На какое свидание спешит с такой пугающей скоростью, с таким безрассудным нетерпением? Его охватило нечто вроде ревности — или, по крайней мере, зависти к тому, кто ждал её в условленном месте.

Но вскоре ревность сменилась тревогой. Возможно, она уже попала в беду. Её машина могла врезаться в какую-нибудь другую — в огромный грузовик со стальными балками, вроде того, что пересёк авеню. Возможно, прямо сейчас она лежит, смятая и искалеченная, в грудe покорёженного металла.

Это насмешливое белое перо-вопрос могло быть забрызгано красным. Её лицо могло быть обращено вверх — навстречу взглядам любого мужчины и ужасу каждого из них. Ему стало почти жутко следовать за ней дальше — вдруг его любопытство будет удовлетворено слишком страшной ценой.

Нерешительность Форбса разрешилась сама собой. Автобус сворачивал с Пятой авеню к Бродвею и Риверсайд-драйв, но он ещё не закончил с этой улицей. Форбс поднялся, чтобы выйти. Автобус качнулся, бросив его с одной скамьи на другую. С трудом одолев опасный спуск, он вовремя ухватился за поручень — чтобы не вылететь головой вниз на улицу. Неуклюже спустившись, он ступил на твёрдый асфальт с облегчением и зашагал на юг.

Толпа постепенно сгущалась, и вскоре стала плотной и вязкой — словно на каждом углу из театров выходили зрители.

В потоке по-прежнему почти сплошь были женщины: красавица рядом с красавицей, ступающая на высоких каблуках; цепочки женщин, словно нити жемчуга, целые полчища дам, одетых по последней моде — но каждая со своими вариациями. Они шагали или не спеша прогуливались, смеялись, улыбались, раскланивались, перешёптывались или разглядывали витрины магазинов.

Панорама витрин почти не уступала в красоте этому женскому войску. Грандиозные демонстрационные витрины предлагали товары, способные соблазнить даже императрицу на щедрые траты.

Кое-где галантерейные магазины выставляли и мужские товары удивительной красоты: образцы рубашек и шарфов, банные халаты, жилеты, способные поспорить с нарядом Иосифа. Но в основном базары завлекали женщин — или мужчин, покупающих что-то для женщин.

Витрины словно шептали:

— Как ты можешь пройти мимо моих сокровищ с любимой? Как можешь вернуться к ней домой без хотя бы частички моих чудес?

— Как прекрасно она будет выглядеть в моих складках!

— Как великолепно мои бриллианты украсят её волосы или шею! Если ты её любишь — подари ей меня!

— Стыдно притворяться, что ты меня не видишь, или признаваться в бедности! Разве нельзя где-то занять денег, чтобы меня купить? Может, отложить оплату квартиры или какой-нибудь другой долг? А может, меня можно приобрести в кредит?

Всё вокруг кричало о витринах и женщинах. Казалось, дамы уже щеголяют трофеями вчерашних покупок — и всё равно жаждут завтрашних. Женщины, разодетые словно манекены из одной витрины, с голодным вождением разглядывали таких же в другой.

Роскошь их нарядов и откровенность соблазна почти пугали. Казалось, сами женщины превратились в витрины магазинов: кто-то предлагал свои прелести на продажу, а кто-то высокомерно помечал себя ярлыком «продано». Молодые и не очень, все они выставляли себя напоказ в лучшем виде — словно единственным их занятием была торговля восхищением.

— Посмотри на меня! Взгляни же! — словно бросали они вызов одна за другой. — Моё лицо уже не молодо, зато мой род древний. Моё тело полно, зато кошелек моего мужа толст. Я одета не слишком роскошно, зато умею носить то, что есть. Я молода, прекрасна, роскошно одета — и у меня богатый муж. Я всего лишь школьница, но готова к восхищению, и отец покупает мне всё, что я захочу. Я веду греховную жизнь, но разве результат того не стоит? Мой муж вкалывает в центре города, чтобы оплачивать эти наряды, — но разве ты не рад, что я не стала ждать, пока он сможет позволить себе одеть меня вот так?

Лейтенант Форбс долго не был в мегаполисе и жил в суровых краях, так что, возможно, неверно понимал мотивы нью-йоркских женщин и их жизненные ориентиры, недооценивал их добродетели. Порок может ходить нечесаным и в лохмотьях, а святая способна заботиться о своей внешности. Быть может, то, что он принимал за дерзость, было лишь спокойствием невинности; а то, что он читал как приказ восхищаться, на деле оказалось похвальным стремлением наилучшим образом раскрыть свои дары.

Но Форбсу во всём этом виделось подавляющее торжество телесности. Это напоминало ему легендарные вавилонские празднества, когда все женщины благочестиво предлагали себя каждому прохожему и измеряли свою благосклонность перед небесами числом незнакомцев, которых сумели привлечь.

Ему казалось, что женщины в других местах, не в Нью-Йорке, одевались не менее красиво, но куда целомудреннее. Здесь дамы выглядели не столько женственными, сколько женскими — в самом биологическом смысле. Казалось, их мысли полны любовных фантазий. Они выставляли напоказ свои груди с особым смыслом, даже их спины словно посылали немые сигналы. Их наряды были уже не одеждой, а настоящими знамёнами.

Годы он провёл среди полуобнажённых варваров, не стыдящихся своей наготы, — но эти женщины казались ещё более нагими. Чем тщательнее они были одеты, тем меньше на них, казалось, было одежды.

В душу Форбса, обычно тёплую и преисполненную восхищения перед женщинами, закрался непривычный цинизм. Он шёл и размышлял:

— За всех этих женщин заплатили мужчины. За каждую вещь, что носит любая из этих дам, заплатил какой-то мужчина. Отцы, мужья, опекуны, покровители — живые или уже покойные — заработали на всю эту пышность.

— Мужчины, которые за это платят, сейчас не здесь: они в своих конторах, магазинах, на работе — строят, создают; или же покоятся в могилах, отдыхая от трудов, пока расточительный пол разгуливает повсюду, соря деньгами и щеголяя тем, что удалось выпросить или выманить.

— Что же женщины дают взамен? Они должны что-то отдавать. Что именно?

Глава 3

Некоторое время он размышлял, словно язвительный Сатана, о смысле этого парада нарядов — а затем его снова захлестнуло восхищение их великолепием. Он почувствовал: мир был бы ужасным без всей этой роскоши. И решил, что всё правильно: мужчины должны добывать золото, нырять за жемчугом, охотиться за перьями цапли, пробираться сквозь снега за мехами, выращивать шелковичных червей, строить ткацкие станки и открывать магазины — и всё это ради того, чтобы прекрасная половина человечества могла себя украшать.

Алая блудница на звере, розовая девушка с коробкой шоколадных конфет, белоснежная матрона, вдова в самых дорогих и изысканных траурных нарядах — все они были важнее любых человеческих установлений, потому что были прелестны, красивы или по-своему очаровательны. Беспольные, но столь же прекрасные, как музыка, цветы или поэзия.

Вскоре впечатлений стало так много, что он уже не мог привести их в порядок — он мог лишь откликаться на них. Индивидуальные черты той или иной женщины — будь то та, что гордо шагала пешком, или та, что полулежала в своём автомобиле, — поражали его. Каждая из них была словно Лорелея, поющая ему со своего рокового утёса, а его сердце металось от одной к другой, словно маленькая лодка без руля.

Каждая сирена спасала его от чар предыдущей, но непрекращающиеся удары по его чувствам погружали его в жар всеобщего восхищения. Он радовался, что снова оказался в Нью-Йорке. И начал мечтать о знакомстве с одной из этих женщин.

Было очевидно: многие из них готовы были распахнуть перед ним двери своего гостеприимства. Немало их — и притом прекрасных, роскошно разодетых — смотрели на него глазами, точно крючьями для абордажа. Их взгляды были приглашениями столь настойчивыми, что невольно вызывали сопротивление; они заранее презирали любой отказ. Но мужчины легко находят в себе силы противостоять и таким приглашениям, и такому презрению.

Форбс не стал бы искать приюта в этих похожих на таверны сердцах. Он хотел найти какую-нибудь привлекательную, но достойно неподатливую женщину — чтобы подружиться с ней, влюбиться в неё. Он был свободен сердцем и жаждал общения.

Когда мужчина — солдат, офицер, к тому же молодой, статный и воспитанный, — маловероятно, что он долго останется без возможности приключений.

Женщина с пером райской птицы глубоко засела в сознании Форбса — словно на свете не существовало ничего и никого другого. На Пятой авеню Форбс влюблялся с первого взгляда раз сто пятьдесят. Встреть он кого-то из этой когорты снова при благоприятных обстоятельствах, он мог бы обрести в её объятиях тот отклик, которого искал. Это могло бы принести ему трагическое беспокойство или тот род домашнего уюта, о котором не пишут в книгах.

Возможно, позже он и в самом деле встречал кого-то из этих потенциальных возлюбленных; но если и так, он не помнил их и не обращал на них внимания — ибо к тому времени уже был безнадежно опутан той, которую выслеживал и упустил.

Когда он нашёл её, она не запомнилась ему сильнее остальных. Она показалась ему женщиной чрезвычайной хрупкости — и всё же ей суждено было испытать его силу до предела: его выносливость, его мужество, его готовность к риску.

Среди отважных людей он заслужил славу благодаря осторожности при приближении к опасности, храбрости посреди неё и ловкости в том, чтобы выпутаться из засады или ловушки. Эта утончённейшая дама должна была научить его безрассудству, опрометчивости, неуклюжести. Она изматывает его в погоне за счастьем и вызовет отвращение к его профессии, к самому себе — и к ней самой. Под её влиянием он пройдёт через сцены великолепия и достигнет вершин возбуждения. Он познает красоту, наслаждение, интриги и опасность. Он познает всё,

кроме покоя, удовлетворённости и умиротворения. Он будет любить и ненавидеть её, презирать и обожать, станет её лучшим другом и врагом, а она — его.

При первой встрече он преследовал её, не зная, кто она, и так и не смог настичь. А она, не подозревая, что за ней следят, невольно дразнила его: всё время держалась вне досягаемости и не позволяла разглядеть своё лицо.

Возможно, для них обоих было бы лучше, если бы они так и остались на расстоянии — в той призрачной, предвещающей многое игре в прятки среди толпы, под ярким солнцем.

А может, лучше было встретиться и вынести горнило эмоций и великолепных переживаний на фоне роскошных декораций.

Но — к добру или к худу — они встретились, и их души вступили в ту схватку взаимной помощи и взаимного вреда, которую мы называем любовью.

Мир, как всегда, много слышал о них — и неизбежно искажал и осуждал, не замечая того, что могло их оправдать. Люди не видели, что самые легкомысленные их поступки были на самом деле важнейшими, а когда они, казалось, грешили сильнее всего, они вцеплялись в самые высокие вершины своих достижений.

Именно такие судьбы заставляют человеческую душу громко звать к Богу — чтобы Он дал ей понимание, дал ещё один шанс в лучшем мире. Это стремление настолько сильно, что порой превращается в веру. Но пока мы ждём этого высшего суда, задача рассказчиков — выступать более справедливыми судьями, чем обычные толпы присяжных.

Тем временем Форбс ничего не подозревал о грядущем и почти ничего не осознавал, кроме душевной усталости и тяжести в ногах.

Вернувшись в отель, он чувствовал себя туристом, пересмотревшим слишком много картинных галерей. Пятая авеню была для него передвижным Лувром — только не старых мастеров, а юных прелестниц.

Он забрался в ванну с водой настолько горячей, насколько мог вытерпеть, и нежился там, словно выкуривая из себя боль, воображая себя богатым, как Гарун аль-Рашид, — а не бедным младшим офицером в измотанной маленькой армии, с одним лишь жалованьем и небольшой суммой, которую он скопил главным образом потому, что его держали в краях, где почти нечего было купить.

Цена номера в отеле поначалу ошеломила его, но он списал её на заслуженный отпуск и убедил себя, что он — миллионер. Он поднялся из кипящего бассейна и окатил себя ледяным душем, дрожа от упоительного холода. Кровь его заиграла, словно по сигналу горна, по зоре, зовущей к жизни.

Он услышал, как город кричит у его окон, и начал лихорадочно набрасывать на себя одежду. И тут он осознал: среди этих ревущих миллионов он не знает ни единой души. Он выругался, проклиная свою удачу, и набросил халат. Завязывая пояс, он почувствовал, что мог бы с таким же успехом быть монахом-затворником в пустыне, закутанным в рясу, — столь же одиноким, как сейчас, в этой пустыне роскоши.

Счастье неизбежно ускользало от него так же легко, как та женщина с белым пером — когда он, сидя в своём десятицентовом автобусе, преследовал её роскошный ландо стоимостью в пять тысяч долларов. Всё, что у него осталось от неё, — это вид сзади её шляпы да номер её автомобиля: N. Y. 41508. Или, может, N. Y. 85140? Да чёрт его знает, какой там был номер

Он не унёс из той встречи даже этого!

Глава 4

Ничто не бывает тоскливее номера даже в самом роскошном отеле, когда ты одинок, а из окна открывается вид на людскую толпу. Форбс остановился в «Никкербокере», и из его окон расстился вид на Лонгакр-сквер.

Здание «Таймс» высилось вдалеке — словно сгорбленный жираф среди прочих строений. Свирепый ветер кружил вокруг него, безжалостно попирая всякое достоинство. Это был невоспитанный деревенский ветер-простофиля с грубоватым чувством юмора.

Женщины пробирались сквозь шквал, сгибаясь пополам и отчаянно сражаясь со своими истерзанными шляпами и юбками, извивавшимися на ветру. Некоторые мужчины поначалу находили это зрелище забавным — пока не ощутили, как их собственные шляпы подхватывает порыв и возносит к окнам четвёртого-пятого этажа.

Стайка бойких газетчиков ловко промышляла возвращением шляп мужчинам, стыдившимся непокрытой головы, словно наготы. Озорники металась между трамваями и автомобилями, рискуя жизнью ради десяти центов — как воробьи ради зёрнышка, — и чудом избегали гибели.

На западном конце Сорок второй улицы закат застыл, точно алый холст на выставке. Но вот стремительные тучи стёрли его, и шквалы дождя пронеслись по городу, будто залпы шрапнели, очищая улицы от толпы. Все бросились к ближайшему укрытию.

Натиск кончился так же внезапно, как и начался. Звёзды вспыхнули на небе — словно кто-то щёлкнул выключателем. На тротуарах, чёрных от влаги и ночи, струились отражения электрических огней. Все мостовые отливали, словно лакированная кожа.

Форбс сидел в тёмной комнате, кутаясь в халат, и наблюдал за электрическими вывесками, которые работали, точно серьёзные акробаты: девочка, прыгающая через скакалку; младенец, который смеялся и плакал; женщина, танцующая на проволоке; шина, не скользящая под дождём; величавое лицо сивиллы, подмигивающее и советуемое жевательную резинку как панацею; котёнок, запутавшийся в нитках; сифоны, наполняющие бокалы — все эти автоматические электрические голоса, выкрикивающие слова из света.

Форбс жаждал снова оказаться среди толпы. Он не выносил одиночества и твёрдо решил выйти из номера. Его даже наполняла гордость при мысли о том, чтобы надеть вечерний костюм. И перед тем как начать одеваться, он отдал свой шёлковый цилиндр на отпаривание гостиничному камердинеру. Спустя время цилиндр сиял, точно эбеновая корона.

Форбс водрузил его на голову, бойко щёлкнул по тулье, развязно прошествовал к лифту, поклонился дежурной по этажу, словно королеве, спустился в главный обеденный зал и постарался выглядеть по меньшей мере герцогом. Он был рад, что одет по всей форме: остальные гости тоже блистали вечерними нарядами. Метрдотель приветствовал его с почтением и подал меню с надеждой во взгляде.

Он заказал больше, чем мог съесть, и постарался не побледнеть при виде цен.

Цветы, затенённые свечи, гобелены, фарфор, стекло и серебро, страстный скрипач, ведущий звучный оркестр — всё это давало ему ощущение царственной роскоши, у которой деньги берутся легче всего. Но радушие всего этого было завораживающим. Казалось, весь город присутствовал на большом приёме. Нью-Йорк давал бал.

Теперь он снова был в городе, но не как хозяин, а скорее как бедный родственник на чужом празднике. Он задерживался за своим одиноким банкетом, словно мальчик, отосланный от стола и вынужденный есть в одиночестве. Его изгнание казалось наказанием за то, что он небогат. Но пока его средства не иссякли, он будет притворяться.

Зал быстро пустел — наступало время оперы и театра. Но он задержался, не зная, куда пойти. Он делал вид, что никуда не спешит. У него, в сущности, было больше досуга, чем он

мог вынести. И всё же он сидел, курил и тянул кофе, с высокомерием разыгрывая, что вовсе не жаждет общества.

Когда ушла почти последняя пара, он осознал, что его ожидает вечер унылого одиночества. Он также понял, что множество добромыслящих джентльменов возвели большие здания для развлечения одиноких людей и наняли талантливых актёров, чтобы те разыгрывали истории для их отвлечения.

Он попросил счёт, оплатил его крупной купюрой и пренебрёг сдачей с разорительным вздёргиванием бровей, принимая зажигалку для своей экзотической сигары.

Он помог вселить ложные представления в голову гардеробщика, щедро заплатив за краткое хранение шляпы, пальто и трости. С величавостью цесаревича инкогнито он проследовал к газетному киоску и спросил у агента Тайсона:

— Что сейчас идёт хорошего?

Тот перечислил текущие хиты, и некоторые названия странно точно совпали с настроением Форбса:

«Романс», «Бедная маленькая богатая девочка», «О, о, Дельфина!», «Пегги из моего сердца», «Дама туфельки», «Девушка-солнышко».

— Они в основном о девушках, — улыбнулся Форбс.

— В основном всегда о них, — усмехнулся агент. — Но есть и другие: «В рамках закона», «Дело Аргайла», «Пять франкфуртцев», «Годы благоразумия».

— Пожалуй, мне лучше посмотреть «В рамках закона». Я много слышал о нём.

— Не сомневаюсь. Уже несколько месяцев аншлаг.

— Неужели я не могу попасть?

— Боюсь, что нет. Вы один?

— Один.

— Один? Дайте подумать. Есть пара мест, заказанная одним господином, который за ними не явился. Не могли бы вы взять оба?

— Я мог бы положить пальто на одно место, — простонал Форбс, ощутив очередную иронию своего одиночества и скудости средств.

— Я бы разделил пару, но уже поздно продавать другое место.

— Я беру оба, — вздохнул Форбс и взмахом простился с красивой пятидолларовой бумажкой.

Мальчишка, крутивший вращающуюся дверь, указал ему путь к театру — прямо по улице — и получил щедрую плату за эту информацию. Вскоре Форбс был уже в фойе, но первый акт почти закончился. Не желая беспокоить уже сидящих зрителей, он остался стоять сзади, перегнувшись через перила.

Он мгновенно был захвачен монологом продавщицы, приговорённой к тюрьме за кражу, которой она не совершала, и предупреждающей хозяина, что сполна отомстит ему, когда вернётся. В разгар этого крика воинственной невинности Форбс услышал шелест платьев и обернулся: небольшая группа опоздавших входила в зал.

Впереди шла некая фигура, которую он принял за женщину, хотя всё, что он видел, — это высоченный головной убор, груды искусно уложенных волос, неопишимо изысканный оперный плащ, мерцающий до самого низа, где он переходил в каскад атласа.

Эта башня из тканей двигалась так, словно её несли на шесте, и Форбс не мог разглядеть внутри ни признаков человеческой фигуры, ни шага. Но он решил, что внутри скрывается личность: она остановилась, чтобы выслушать, что другая «груда тканей» сказала ей, и из обеих донёсся хихикающий смешок — или это было только шуршание платьев? В любом случае, это разозлило часть публики поблизости.

Группа прошла по боковому проходу, поднялась на несколько ступенек к крошечному пространству за ложей. С того места, где стоял Форбс, он видел, как билетёр помогает им сни-

мать верхнюю одежду. Они не спешили застать остаток акта, а стояли и болтали, пока отчаявшийся билетёр ждал, не смея сделать им замечание, но страшась шума их вторжения.

Форбс следил за тем, как одна из этих «вешалок для платьев» освобождается от своих покровов. Откуда-то из хаоса поднялись две руки в длинных перчатках; они были странно изящны, делали движения, словно лебединые шеи, ныряющие в водяные лилии. Гирлянда тумана сошла, и появилась голова на шее, бюст, воздвигнутый на груди драпировок. Затем оперный плащ соскользнул в руки билетёра. И вот проступил замысел — явилась женщина.

Голова и шея оказались прикрепленными к свитку плеч, а фигура, подобная колонне, поднималась от пола — странно колоннообразная, столь стройная, что талия была лишь едва намечена, лишь едва обозначен изгиб бёдер.

В иные эпохи костюм подчёркивал лишь отдельные части человеческого силуэта. Естественные линии искажались, извращались, превращались в карикатуру: рукава-баллоны, огромные фижмы или панье, похожие на вьючные сёдла мула, немислимый ботокудский идеал турнюра, корсеты-песочные часы, концентрические обручи вокруг ног с кокетливо выглядывающими панталонами у щиколоток — поистине невероятные причуды моды.

Но теперь наряд едва ли служил маскировкой — не больше, чем золотая или бронзовая пудра, которой покрывают себя статисты в варьете. Под внешними покровами женщины скорее «оклеивали» себя, чем изящно драпировали формы. Пожалуй, так было разумнее и пристойнее.

И всё же Форбс смотрел на эту женщину так, как, должно быть, Адам смотрел на Еву, когда с его глаз спала пелена. Даже её волосы были почти полностью её собственными — уложены и разделены пробором с простой грацией. Головной убор казался чем-то причудливым: не бриллиантовая тиара, а чёрный гребень с парой жемчужин — словно переливчатая грудка птицы-лиры, хотя Форбс и не знал этого. Нить жемчуга обвивала её шею. Платье начиналось у вершин плеч, но обе его части соединялись лишь в самый нужный момент над грудью и чуть запоздало — на спине.

Ткань любовно облегла поясицу, бёдра и икры — так плотно, что между щиколотками приходилось делать V-образный вырез, чтобы вообще можно было ходить. Шлейф напоминал рыбий хвост — будто запоздалая мысль, лёгкое подрагивание. И так эта женская форма возникла из бесформенности, словно Афродита из морской пены.

Форбс был настолько ошеломлён, что ощутил всю неловкость человека, которого застали за разглядыванием женщины, только что вышедшей из прибоа в мокром купальнике. Он поспешно отвёл взгляд. Когда он снова посмотрел, она уже исчезла в багровой пещере ложи.

За ней последовали остальные женщины, а за ними — мужчины. Они уселись как раз в тот момент, когда опустился занавес.

Теперь Форбс почувствовал, что может занять своё место. Он нашёл билетёра, который провёл его по проходу. Форбс кланялся и бормотал «Прошу прощения» и «Благодарю вас» каждому, кто неловко и недоумённо отодвигался, чтобы пропустить его. Ему хотелось объяснить, что он не только что пришёл и вовсе не так глуп или медлителен, как кажется. Он положил пальто на свободное место и принялся изучать программку.

Голос, который должен был напомнить ему о ландолете, но не напомнил, привлёк его внимание и увёл взгляд к ложе. Он находился недалеко от опоздавших.

Они привлекали к себе немало внимания публики, но сами его не замечали. Громкость их разговоров и смеха шокировала бы Форбса в толпе фермеров; исходя от людей, явно богатых и привычных к городским обычаям, она изумляла.

Он ещё не видел лица той женщины, от которой успел увидеть так много остального. Она разговаривала с мужчиной внутри ложи, повернувшись спиной к залу.

Форбсу и в голову не пришло, что это могла быть та самая спина, за которой он следовал по авеню. Откуда ему было знать?

Эта спина была одета и закутана, и даже то знаменитое левое плечо прикрывал рукав. Эти «плечевые ножны», а не лопатки, были настолько поразительно обнажены, что Форбсу стало стыдно на них смотреть. Их обладательница, очевидно, не стыдилась выставлять их напоказ. Можно было не одобрять её дерзость, но нельзя было не восхититься её плечами. Когда она двигалась, пожимала плечами, смеялась или поворачивалась, чтобы что-то сказать, её изысканная кожа собиралась в складки и колыхалась, словно взбитые сливки.

Наконец ramпы зажглись, занавес поднялся. Три женщины выстроились в профиль вдоль барьера, словно сидели на невидимых лошадях. Мужчины оставались лишь силуэтами на заднем плане.

Большая часть зала тонула во тьме, но люди в ложах были озарены светом, отражённым от декораций, — он согревал их, словно заря, пылающая над снежными вершинами.

И вот наконец Форбс увидел лицо, которого так нетерпеливо ждал. Оно не разочаровало его. Сначала она показала ему лишь профиль, но на нём лежал волшебный свет театрального мастерства. Однажды она повернула голову и бросила медленный, рассеянный взгляд вдоль тенистой долины зрительного зала. Она не могла его видеть, но он видел её — и нашёл её столь прекрасной, столь чарующе желанной, что у него перехватило дыхание от острой боли восхищения.

Лишь на мгновение её глаза словно грезили в полумраке, а затем она вновь повернулась к сцене. Это было похоже на расставание после тайного свидания. Внезапно чары развеял её взрыв смеха. Маленькая продавщица, ставшая шантажисткой, на сцене описывала свои попытки освоить светские манеры — как правильно разливать чай и притворяться, что получаешь от него удовольствие. Она выругалась — и зал взорвался хохотом. Раньше актёр всегда мог вызвать смех, произнеся «чёрт возьми». Теперь для этого требовалась женщина.

Шок от смеха вырвал Форбса из грёз, и он снова взглянул на ложу, чтобы разглядеть, с кем была эта женщина. Одна из них была миниатюрной, но совершенно безупречной. У неё было лицо дебютантки, обрамлённое седыми волосами матроны. Если возраст выдавала шея, жемчужное кольцо-ошейник умело скрывало следы времени. Она сидела чрезвычайно прямо и казалась холодной и надменной — пока очередная грубоватая реплика со сцены не вызвала у неё детский смех.

Другая женщина тоже смеялась — громко и открыто. Она тоже была красива, словно идеал Рубенса: пышные формы — щёки, подбородок, шея, грудь, бедра. Ни один кубист не смог бы её изобразить — она была похожа на гроздь мыльных пузырей. Её лицо напоминало лицо огромного младенца.

Мужчины почти не выделялись — просто чёрные и белые силуэты.

Ни у кого из них не было той усталой скуки, которую Форбс считал главной чертой нью-йоркского богатства. Они были столь же оживлённы и неудержимы, как дети в цирке, дерущиеся за пакет с арахисом.

Один из мужчин наклонился вперёд и что-то прошептал; все женщины обернулись, чтобы послушать. Они забыли о пьесе, хотя на сцене разворачивалась напряжённая сцена. Они болтали и смеялись так громко, что публика начала возмущаться, а актёры на сцене выглядели расстроенными.

Форбс был поражён столь дурными манерами у столь красивых людей. Он недоумевал, как пьеса вообще может продолжаться. Он слышал, что актёры порой выходят из роли, чтобы осадить таких нарушителей спокойствия, и ожидал подобного столкновения сейчас.

Затем кто-то в зале зашипел. Кто-то отчётливо выкрикнул: «Замолчите!» Группа обернулась в изумлении и получила ещё один шипящий окрик. Тишина и стыд мгновенно утихомирили их. Женщины покраснели, словно взрослые девушки, которым грозит наказание. Огромный румянец разлился по их багряным спинам.

Форбс видел, что им хочется убежать, но какая-то отчаянная стойкость удержала их. Они пытались вскинуть головы с презрением, но толпа так полностью их укротила, что Форбсу стало жаль их — особенно её. Она была слишком прекрасна для публичного унижения.

Когда занавес опустился после второго акта, Форбс заметил, как один из мужчин в ложе встал и направился к выходу вдоль бокового прохода. Форбс знал этого человека. Его звали Тен Эйк — Мюррей Тен Эйк.

Форбс страшился снова пробираться сквозь узкий проход между коленями и спинками кресел, но наконец он увидел человека, которого знал. А этот человек знал женщину, с которой Форбс мечтал познакомиться.

Глава 5

Женщины, мимо которых он пробирался, буквально пронзали Форбса колючими взглядами и со стоном поднимались, сгорбившись, чтобы пропустить его. Они судорожно хватались за свои накидки, которые он нечаянно сбивал с плеч. Он задел изысканную шляпку, застрявшую на спинке сиденья, и случайно пнул шёлковый галстук, выпавший из проволочной вешалки, — тот откатился под впереди стоящий ряд. На мгновение ему захотелось поднять его, но, представив, каких усилий это потребует, он счёл испытание слишком мучительным. Сделав вид, что ничего не заметил, он двинулся дальше.

Никто не выглядел столь возмущённым, как тот мужчина, который незадолго до этого точно так же выбирался наружу, чтобы выпить во время антракта. Форбс понял, что тот отправился за спиртным, едва лишь прошёл мимо него. Сам же Форбс вышел не ради этого, а ради важной информации.

Он смиренно извинился, но продолжил свой путь. К тому времени, как он выбрался наружу, Тен Эйк уже и след простыл. Его не оказалось ни в фойе, ни среди мужчин, куривших на тротуаре, ни среди тех, кто перебегал улицу, спеша в одно из кафе, где всё равно не подавали кофе. В конце концов Форбс нашёл своего человека в курилке на нижнем этаже.

Тот попыхивал сигаретой и встретил нетерпеливый взгляд Форбса столь полным безразличием, что слова приветствия застряли у того в горле.

Чтобы оправдать своё присутствие в курилке, Форбс зажёг сигару — хотя понимал, что успеет сделать всего несколько затяжек. А сигара-то была отменная! В мире существует лишь ограниченное число по-настоящему хороших сигар.

Двое мужчин расхаживали взад-вперёд, пересекаясь на своих маршрутах, — столь же упорно игнорируя друг друга, как те двое традиционных англичан, что оказались выброшены на один необитаемый остров, но так и не были представлены друг другу.

Лишь когда Мюррей Тен Эйк швырнул на пол окурки и собрался уходить, Форбс наконец набрался смелости и заговорил — с присущим ему виргинским выговором:

— Прошу прощения, сэръ, но вы ведь мистер Мюррей Тен Эйк?

— Да, — коротко ответил Тен Эйк. Только «да». И больше ни слова.

Форбс, сбитый с толку столь лаконичным ответом, предпринял ещё одну попытку:

— Полагаю, вы меня не помните.

Тен Эйк проявил едва заметный интерес. Если он и был снобом, то винил в этом исключительно собственные слабости.

— Кажется, да, но словом, я просто безнадёжен на имена и лица. Один человек вытащил меня из приюта в Палм-Бич прошлой зимой — у меня была судорога, знаете ли. А через две недели я прошёл мимо него, не узнав. Когда понял, что натворил, — пожалел, что он не дал мне утонуть. Так что не принимайте на свой счёт, если я вас не помню. Кто вы такой? Вы спасали мне жизнь? Где мы встречались?

— В Маниле. Вы были

— О Господи благослови! Вы Харви Форбс! Ну, я — Он перевернул молитву задом наперёд. — Ну конечно, вы. — Теперь он был вполне радушен и хлопал Форбса по плечам обеими руками. — Но откуда мне было вас узнать, такого расфуфыренного? Я привык видеть вас в форме — фуражка, латунные пуговицы, сабля, обмотки. Тогда вы были лейтенантом. Держу пари, теперь вы полковник? А? Форбс покачал головой. — Нет? Ну, должны были бы. Вы спасли мне жизнь в этой Богом забытой дыре. И теперь вы здесь! Ну, я Выпьем.

— Нет, благодарю!

— Да, благодарю! — Он торопил Форбса вверх по лестнице, на улицу и в кафе, которое спорило роскошью с павлином. Поставив ногу на поручень, опершись локтем о стойку и

загнув второй локоть вверх, они чокнулись под дружное «Будь!». А затем, опрокинув возлияния внутрь, старая дружба освятилась заново.

— Скажите, — спросил Тен Эйк, — вы один — или с кем-нибудь? Не отвечайте, если это вас уличит.

— Увы, — простонал Форбс. — Один, изгнанник на этом необитаемом острове.

— Что ж, я — маленький спасательный отряд. Вы здесь надолго?

— Не знаю. Меня направили на Губернаторский остров. Я должен явиться через неделю, вот и решил поглядеть на Нью-Йорк.

— Это ненадолго. Ничего не происходит, и в городе ни души.

Форбс вспомнил толпы, которые видел, и улыбнулся:

— Я видел трёх очаровательных дам в вашей компании.

— Рад, что они вам понравились. Идите знакомиться.

— Быть может, одна из них ваша жена. Вы женаты?

— Пока нет. Пока у меня есть здоровье и силы.

— Очень рад это слышать. Я уже начал бояться, что вы женились на той чудесной особе.

Тен Эйк покачал головой и рассмеялся.

— Кто? Я? Я женюсь на Персис Кабот?

— Это её имя? Что ж, почему бы и нет?

— Если бы вы её знали, вы бы не спрашивали «почему». Я не миллионер.

— Она не выглядит корыстной.

— Она и не корыстна. Деньги для неё ничего не значат; она не понимает, что это такое; она их просто швыряет. Она как яхта. Думаете, дорого её купить? Подождите, пока подсчитаете содержание. Персис — это ураган. С ней весело играть. Но вы должны пообещать не жениться на ней.

— Обещаю.

— Отлично! Идёмте. — Поднимаясь по лестнице, Тен Эйк говорил: — Терпеть не могу обязательств. Вечно хочется отплатить — за злое дело или за доброе. Вы тогда крепко запали мне в душу, Форбси, там, в Маниле, когда я был синий, больной и за миллион миль от дома. Должно быть, нет ничего, что так западает в душу, как визит, когда человек болен. Вы меня тогда на крючок подцепили, и я ваш — командуйте. Я запишу вас в кучу клубов и буду возить, пока вы не взмолитесь о пощаде. Если вы, конечно, хотите такого. Может быть, вы хотите, чтобы вас оставили в покое. Если так — вышвыривайте меня, когда я надоем.

Форбс отверг всякое расположение к одиночеству. Когда они дошли до головы прохода, ведущего в ложу, он приостановился. В нём сидела южная идея церемонной учтивости, и он предложил, чтобы Тен Эйк сперва испросил у дам разрешения представить незнакомца. Форбс обладал редким даром — употреблять слово «леди» без малейшего налёта мещанства.

И он никогда не забывал, что однажды сказал ему Тен Эйк: «Я люблю крайности общества. С высшими я лажу, на низших обожаю, но, Боже, как я ненавижу мещанскую душу».

Тен Эйк отмёл сомнения Форбса, втащил его в ложу и представил женщинам и двум другим мужчинам. Форбс был слишком взволнован, чтобы уловить хоть одно имя. Даже фамилия Персис ускользнула и от его памяти, и от внимания.

Тен Эйк устроил Форбсу блистательную рекламу — как блестящего солдата и спасителя жизни — и уступил ему своё кресло рядом с Персис.

На его низкий поклон почтения она ответила лишь птичьим кивком и полунамёком на улыбку.

Тен Эйк поверг Форбса в замешательство, сказав:

— Старушка, тебе придётся быть любезнее. Мистер Форбс не только спас меня из пучины, но и сказал мне, что вы — самое прекрасное создание, какое он когда-либо видел на земле.

Персис улыбнулась чуть теплее и прошептала:

— С его стороны очень мило.

Очевидно, она так привыкла к букетам в лицо, что они её ни оскорбляли, ни волновали. Но мисс — или всё же миссис? — словом, полная женщина вмешалась:

— Должно быть, он имел в виду меня. Моё зеркало говорит мне, что я смертельно прекрасна, и, Бог свидетель, меня на земле больше, чем кого бы то ни было.

Форбс оказался в тупике. Он не говорил тех слов, которые ему приписали, но отпереться не мог. Не мог он и оспорить у полной дамы права на похвалу. Он просто покраснел и благодушно улыбнулся всем сразу.

К счастью, в эту минуту погасли огни, и занавес поднялся со звуком, похожим на великое «Тсс!». Компанию раз одёрнули — и она смолкла. Форбс поднялся, чтобы вернуться на своё место, но Тен Эйк, стоявший у него за спиной, сильными руками вдавил его в кресло.

Он остался сидеть. Но пьеса уже не владела им. Он мог думать только об одном. Он был посажен у бока этого существа, которое заворожило его издали и ужасало вблизи, — и чьей фамилии он до сих пор не знал.

Урок предыдущего акта недолго памятовали неугомонные. Один из мужчин — какой-то чудной коротышка — шепнул что-то Персис. Она рассмеялась и ответила. Остальным женщинам необходимо было рассказать. Они захихикали. Их голоса постепенно набирали высоту и громкость.

Когда вор на сцене выстрелил в стукача из револьвера с глушителем, мужчина в креслах под ложей был отчётливо слышен:

— Хоть бы кто изобрёл глушитель для лож.

И снова почти слышимые укоризненные взгляды из зала, и тишина опустилась, как саван. В конце этого акта Форбс снова поднялся уйти, но Тен Эйк опять его удержал.

— Что делаешь после театра?

— Ничего.

— Идём с нами выплясывать тушканчика.

— Тушканчика! — ахнул Форбс. — Разве приличные люди

— Мы неприличные люди, — сказала Персис, — но мы выплясываем.

— Это единственное, что мы делаем, — сказала дама с дородством, чьё имя к тому времени он уловил как Унифред.

Форбс с удивлением услышал, как говорит сам, словно с давними знакомыми:

— Когда я был в Сан-Франциско, лет шесть или около того назад, гуляющие компании только начинали его на «Варварском берегу». А по дороге на Восток я как раз читал редакционную статью о том, что это безумство охватило Нью-Йорк, — но я не поверил.

— Это ужасно, — сказал коротышка. — Людей точно прорвало. Мэру следовало бы это прекратить.

— О, Вилли, не будь ханжой, — сказала Персис. — Сама знаешь, это здоровее, чем резаться в бридж день и ночь напролёт.

— И куда дешевле, — заметила седовласая.

— Это отвратительно, — настаивал Вилли. — Это неподобающе для порядочной женщины.

— Благодарю покорно! — сказала Персис тоном цинка.

Коротышка поспешил с извинениями:

— Я не о тебе, дорогая, разумеется; ты танцуешь его достаточно безобидно, но словом, мне просто не нравится на это смотреть.

— Твоя собственная мать учится, — сказала Унифред.

— О, мать! — выдохнул Вилли. — Я от неё давно отрёкся.

Тен Эйк вмешался. Форбс теперь вспомнил, что он вечно вмешивался между крайностями в клубных ссорах в Маниле.

— Какая разница? — сказал он. — Все танцы для кого-то непристойны. Вальс и польку когда-то считали достаточно скверными, чтобы вылететь из церкви. Тушканчик пошел только тогда, когда его танцуют пошлые люди, а они и так будут пошлы где угодно. Тушканчик снова заставил людей дрыгаться. И это хорошо — и полезно. Несколько лет вообще нельзя было заставить людей танцевать. Теперь они пляшут утром, днём и ночью.

— Полиции следует это прекратить, говорю тебе, — настаивал Вилли с раздражением, похожим на каплю уксуса. — Терпеть не могу на это смотреть.

— Тогда не ходи с нами, дорогой мой, — ответила Персис со вспышкой в голосе.

Форбсу не понравилось это «дорогой мой». Оно могло ничего не значить. Но могло значить всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.